СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XI, № 3.

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1873 ГОДЪ,

составленное къ годичному собранію 29-го декабря ординарнымъ академикомъ
А. В. Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1874.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Сентябрь 1874 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

II^го^ ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1873 годъ,

составленное къ годичному собранію 29-го декабря ординарнымъ академикомъ
А. В. Никитенко.

Въ прошедшемъ году мы должны были посвятить часть лѣтописи нашего Отдѣленія печальному воспоминанію о нѣкоторыхъ изъ нашихъ достойныхъ сотрудниковъ на поприщѣ отечественной словесности, похищенныхъ у насъ смертію; нынѣ предстоитъ намъ исполнить подобную же грустную обязанность — мы лишились трехъ изъ нашихъ сочленовъ-корреспондентовъ. Сперва скончался В. Г. Бенедиктовъ, за нимъ послѣдовалъ Ѳ. И. Тютчевъ, и въ недавнее время мы получили извѣстіе о кончинѣ Михаила Александровича Максимовича. Два первые собственно не были дѣятелями въ научномъ смыслѣ. Они не разработывали отечественнаго языка и словесности посредствомъ филологическихъ, лингвистическихъ или критико-историческихъ изслѣдованій. Они были писатели-поэты. Отдѣленіе наше, пріобщая ихъ къ своей средѣ, имѣло въ виду не научныя заслуги, а таланты ихъ, потому что оказывать уваженіе творческимъ силамъ, поддерживающимъ и возвышающимъ достоинства отечественнаго языка и словесности, составляетъ одну изъ естественныхъ потребностей общества, которое въ успѣхахъ послѣднихъ видитъ свое собственное торжество. Наука и искусство тѣсно между собою связаны. Они служатъ одному и тому же святому дѣлу чело-

вѣчества — одна, озаряя умы свѣтомъ истины, другая, пробуждая въ сердцахъ, съ чувствомъ прекраснаго, всѣ благородныя и великодушныя чувствованія, т. е. обѣ стоятъ какъ бы въ средоточіи человѣчественности, совмѣщая въ себѣ главныя стихіи ея— умственное величіе и нравственное достоинство. Сомнѣніе въ необходимости и благотворномъ вліяніи на людей искусства, искаженіе его ложными ученіями или подчиненіемъ его исключительнымъ видамъ одной какой-нибудь школы, равнялось бы подобному сомнѣнію и искаженію въ отношеніи къ наукѣ — и то, и другое было бы склоненіемъ къ варварству: ибо что такое варварство, какъ не отрицаніе истины въ ея безусловномъ значеніи и не отрицаніе принциповъ идеала, безъ котораго не существуетъ искусства, а жизнь получаетъ характеръ грубой и пошлой животности? Поэтому понятно и естественно, что Отдѣленіе Русскаго языка и словесности всегда готово привѣтствовать своимъ полнымъ сочувствіемъ всякое замѣчательное проявленіе таланта въ нашемъ отечествѣ. Писатели, объ утратѣ которыхъ мы сѣтуемъ, пріобрѣли почетную извѣстность въ томъ родѣ поэзіи, который обыкновенно называютъ лирическимъ. По направленію своему, они принадлежали къ той недавней эпохѣ, когда наша литература, установляясь на началахъ одинаковыхъ съ литературами, достигшими высокаго процвѣтанія у всѣхъ образованныхъ народовъ, вносила въ общество идеи, способныя развивать эстетическія его силы, и когда нашъ языкъ подъ перомъ высоко даровитыхъ писателей быстро шелъ впередъ и совершенствовался. Это была эпоха Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя. Тютчевъ, можно сказать, воспитался посреди ихъ. Бенедиктовъ былъ также проникнутъ ихъ духомъ. Поэтому, опредѣляя значеніе этихъ писателей на основаніи здравой научной критики, нельзя не вспомнить той свѣтлой эпохи, которая налагала на нихъ свою печать. Нѣтъ ничего естественнѣе и справедливѣе, какъ относиться критически къ прошедшему, иначе мы никогда не въ состояніи были бы знать, что̀ въ этомъ прошедшемъ принадлежитъ неизмѣннымъ и вѣковѣчнымъ

истинамъ, и что̀ принадлежитъ въ немъ извѣстному времени. Но надобно, чтобъ критика, этотъ о̀рганъ контролирующаго разума, была, какъ самъ разумъ, независима отъ всякихъ случайныхъ вліяній, и подвергая изящныя произведенія своему анализу, во-первыхъ, опредѣляла ихъ значеніе и достоинство критеріумомъ имъ свойственнымъ, а не другимъ какимъ-либо, взятымъ изъ иной, чуждой имъ сферы, подобно математикѣ, которая сравниваетъ величины однородныя и не употребляетъ мѣры вѣса тамъ, гдѣ надобно судить о разстояніи, и т. п.; во-вторыхъ, чтобъ критика, согласуясь съ непреложными психологическими законами, управляющими художественнымъ творчествомъ, не требовала отъ изящной литературы пропаганды извѣстнаго рода ученій и тенденцій, которыя являются сегодня, а завтра будутъ смѣнены другими. Смотря съ точекъ зрѣнія подобной серьезной критики, мы не можемъ не отдать справедливости писателямъ эпохи, о которой упомянули, въ томъ, что, дѣйствуя въ духѣ непоколебимыхъ принциповъ искусства, они сообщили впервые нашей литературѣ эстетическій характеръ, долженствующій сохранить свою силу при всѣхъ требованіяхъ образованности и измѣненіи общественныхъ понятій, и тѣмъ самымъ удовлетворять одной изъ существенныхъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей общества. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ рождаются новые взгляды на вещи, новыя понятія и убѣжденія; но если многіе изъ нихъ, или нѣкоторые имѣютъ право существовать, то они имѣютъ также обязанность не домогаться власти надъ грядущими поколѣніями и долгъ уважать взгляды, понятія и убѣжденія, основанныя на другихъ высшихъ понятіяхъ. Въ ходѣ литературы бываютъ моменты нѣкотораго художественнаго безсилія, отмѣченные отсутствіемъ талантовъ, способныхъ приблизиться къ высшимъ ея задачамъ и охраняющимъ ее отъ вторженія въ нее всего чуждаго и искажающаго ее. Въ подобный моментъ утѣшительно иногда обращаться къ прошедшему, гдѣ встрѣчаемся съ личностями, шедшими по стезѣ, начатой и проложенной умами, о которыхъ мы упомянули, и по которой шли также Бенедиктовъ и Тютчевъ.

Владимиръ Григорьевичъ Бенедиктовъ родился въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1807 года. Родиною его былъ Петербургъ, но первоначальное образованіе онъ получилъ въ Петрозаводскѣ, въ тамошней гимназіи, и впослѣдствіи докончилъ его во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Подобно Пушкину, впослѣдствіи онъ постояннымъ собственнымъ трудомъ старался пріобрѣсти свѣдѣнія, какихъ не могла дать ему школа, и успѣлъ возвыситься до степени высокообразованнаго человѣка. Изъ корпуса, по окончаніи курса, онъ былъ выпущенъ 1827 года лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ прапорщикомъ и участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. По окончаніи войны онъ изъ военной службы перешелъ въ статскую, по министерству финансовъ, гдѣ въ 1843 г. былъ сдѣланъ членомъ правленія государственнаго банка. Въ 1860 году онъ совсѣмъ оставилъ службу и съ того времени велъ уединенную жизнь, посвятивъ себя исключительно литературѣ. Родъ общественной дѣятельности Бенедиктова, повидимому, не согласовался съ его поэтическимъ призваніемъ. Онъ, однако, не умалилъ въ немъ любви къ литературѣ и къ искусству вообще, точно такъ же, какъ это чувство не мѣшало ему честно и успѣшно выполнять свои служебныя обязанности. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ даровитымъ личностямъ, которыя, сознавъ въ себѣ разъ художественное призваніе, остаются ему вѣрны до конца. Это была натура, для которой поэзія была не занятіемъ, но жизнію ея сердца, и все, что̀ есть прекраснаго и возвышеннаго въ поэзіи, втекало въ ея внутренній міръ и возвышало въ ней достоинство человѣка. Понятно при этомъ, что, посвящая литературѣ лучшія свои силы, Бенедиктовъ не соединялъ съ ней ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя нерѣдко писателей дѣлаютъ зависимыми отъ моды, или мнѣній какого-нибудь литературнаго кружка̀. Онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ борьбы партій, возбуждаемой на литературной аренѣ маленькими страстями и маленькими самолюбіями и, вообще, одобреніе бо̀льшей части своихъ собратій по литературѣ не считалъ на столько важнымъ и основательнымъ, чтобъ можно было желать его. И это вовсе не изъ гордости —

кто зналъ лично Бенедиктова, тому извѣстно, что онъ былъ воплощенная скромность. Это было естественнымъ и простымъ плодомъ нѣкоторыхъ убѣжденій, выработанныхъ воззрѣніемъ на жизнь, на человѣка, на науку и искусство, болѣе широкимъ и просвѣщеннымъ, чѣмъ взгляды, внушаемые обыденнымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ. То, что у Бенедиктова въ его произведеніяхъ есть общаго со всѣми поэтическими натурами, преобладающаго субъективнаго настроенія, это способность постигать быстро, инстинктивно идеальную сторону вещей, соприкасаться, или, лучше сказать, сливаться съ ней въ непосредственномъ живомъ чувствѣ. Но то, что отличаетъ всякаго лирическаго поэта отъ другихъ ему подобныхъ, а слѣдовательно и Бенедиктова, это родъ предметовъ, наиболѣе его одушевлявшихъ, а главное, способы воспріятія идей и реализаціи ихъ въ образахъ и языкѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи преимущественно выражаются и діалектическая, такъ сказать, сила мысли, и степень творчества и изящество художественнаго живописанія. Разнообразіе движеній нашего внутренняго міра безконечно и неисчерпаемо, и нужно много дарованія, чтобъ уловлять то самые глубокіе и возвышенные, то самые тонкіе и нѣжные мотивы нашихъ ощущеній, — и здѣсь-то лирическая поэзія, наравнѣ съ музыкою, обнаруживаетъ свое полное торжество, съ тою разницею, что поэзія, какъ искусство словесное, уловляя едва уловимые моменты и переливы ощущеній, должна выражать ихъ пластически, образно, а это невозможно для музыки, не обладающей тѣмъ же орудіемъ, —орудіемъ слова.

Бенедиктовъ съ горячею любовію предавался избранному имъ предмету или его идеѣ, но это не было одно безотчетное увлеченіе его красотою или многозначительностью идеи — онъ какъ будто стремится изслѣдовать, изучить, если можно такъ выразиться, въ дѣлѣ чувства его эстетическую природу, исполниться внушаемыми ею чувствованіями, — и все это передается имъ въ стройно группируемыхъ образахъ, поражающихъ силою и смѣлостію кисти, яркостію и блескомъ колорита. Еще есть одна особенность въ стихотвороніяхъ Бенедиктова — я разумѣю за-

мѣчательнѣйшія изъ нихъ. Въ поэтическомъ анализѣ, въ полнотѣ чувства, возбужденнаго величественными картинами природы, или явленіями человѣческой жизни, вы нерѣдко встрѣтите у него какъ бы нечаянно брошенный лучь философской мысли, поводомъ къ которой послужилъ одушевившій его предметъ. Таковы, напримѣръ, его пьесы: «Горныя выси», «Человѣкъ», «Жалоба дня», «Къ полярной звѣздѣ», «Жизнь и смерть», «Развалины», «Золотой вѣкъ», «Переходъ», «Прости» и другія. Понятно, что съ обаяніемъ красоты для мыслящаго существа можетъ соединяться высокое нравственное и философское міровоззрѣніе, и поэтъ, который, не бывши дидактикомъ, почерпаетъ въ этомъ источникѣ въ минуту одушевленія новую стихію высокой занимательности, только усугубляетъ эстетическое достоинство своихъ изображеній. Бенедиктовъ благовѣйный поклонникъ природы; онъ возвышается до созерцанія ея величественныхъ красотъ. Припомнимъ здѣсь такія, напримѣръ, пьесы, какъ «Утесъ», «Море»; сонеты: «Природа», «Комета», «Вулканъ», «Гроза», «Цвѣтокъ»; или въ путевыхъ запискахъ: «Море», «Близъ береговъ», «Между скалъ», «Чатыръ-Дагъ». Мы не можемъ не остановиться еще на стихотвореніяхъ, гдѣ авторъ предается поэтическимъ думамъ о такомъ всемірномъ событіи, какъ битва подъ «Ватерлоо», или гдѣ та же дума обращена къ «Воспоминанію о Крымѣ», гдѣ, въ виду невозмутимыхъ чудныхъ красотъ природы кипѣла кровавая борьба людей; стихотвореніе «Ночь близъ Якоцъ» полно тихой задумчивости передъ наступающею грозою сраженія. Пьеса «Къ моей музѣ», заключающая въ себѣ какъ бы поэтическую исповѣдь автора, прекрасна по выраженію той честной, безкорыстной любви, какую питалъ онъ къ искусству, и трогательной простоты и скромности, съ какими разрѣшаетъ онъ недоумѣнія, возбужденныя въ умахъ нѣкоторыхъ изъ его критиковъ.

Я привелъ здѣсь тѣ изъ стихотвореній Бенедиктова, которыя могутъ служить представителями положительной, или лучшей стороны его таланта. Они и по языку составляютъ замѣчательное пріобрѣтеніе нашей литературы. Стихъ его вообще звученъ,

упругъ, мужественъ, блестящъ. У него, впрочемъ, есть много другихъ пьесъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть суть не иное что, какъ отрывки его автобіографіи; изъ нихъ нѣкоторыя могутъ быть также отнесены къ истинно-изящнымъ созданіямъ, иныя же, писанныя на разные случаи его жизни, мало имѣютъ общаго интереса и отличаются небрежностію въ исполненіяхъ и языкѣ.

Въ лирической поэзіи главную роль играетъ чувство, которое сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу, многозначительность идеи; идея, которая только принята душою, а не восчувствована, можетъ выразиться не иначе, какъ отвлеченно, и это будетъ значить, что она посѣтила душу вовсе не поэтическую. Но идея восчувствованная получаетъ поэтическій характеръ только тогда, когда она съ помощію воображенія становится созерцательною, образною, живою. Къ необходимымъ требованіямъ искусства принадлежитъ гармонія между идеей, чувствомъ и о̀бразомъ. Тайна такого сочетанія главныхъ элементовъ въ изящномъ произведеніи есть удѣлъ не многихъ великихъ художниковъ. Писатели, даже съ замѣчательнымъ талантомъ, съ избыткомъ надѣленные сильнымъ воображеніемъ, чаще всего способны впадать въ афектацію. Они забываютъ, что тамъ, гдѣ мысль и чувство должны выразиться у автора живо, свободно, безпрепятственно въ свойственныхъ имъ чертахъ и о̀бразахъ подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія на его душу, тамъ и слѣдуетъ остановиться и не вынуждать у воображенія новыхъ красотъ для увеличенія дѣйствія на читателей, уже произведеннаго законнымъ психологическимъ путемъ. Все, что воображеніе можетъ дать отъ себя безъ сношенія съ идеей и чувствомъ, будетъ пустою игрою представленій, будетъ не естественно, изысканно противно правдѣ и природѣ. Бенедиктовъ часто не умѣлъ противиться подобнымъ навѣтамъ воображенія и платилъ обильную дань его ухищреніямъ; богатый дѣйствительными сокровищами мысли и чувства, онъ замѣнялъ ихъ ложными прикрасами и изысканностью выраженія, навлекавшими на него справедливые упреки со стороны истинныхъ и просвѣщенныхъ цѣнителей

искуства. Это—отрицательная сторона произведеній Бенедиктова; мы видѣли, однако, и положительную сторону, которая даетъ ему полное право считаться въ числѣ достойныхъ представителей лучшей эпохи нашей литературы. Извѣстно, что гораздо легче подмѣчаются безобразія, чѣмъ красоты. Долгъ безпристрастнаго изслѣдователя показать въ художественныхъ произведеніяхъ и тѣ и другія. Если же критика захочетъ останавливаться только на ошибкахъ и недостаткахъ, то она будетъ похожа на полицейскаго служителя или шпіона, обязанныхъ исключительно слѣдить за преступленіями.

Ѳ. И. Тютчевъ, скончавшійся 15-го іюля, родился въ 1803 году. По окончаніи домашняго воспитанія, высшее образованіе онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ между прочимъ съ особенною любовію занимался русскою словесностію подъ руководствомъ знаменитаго въ тогдашнее время професора Мерзлякова. Оттуда, со степенью кандидата, онъ поступилъ въ 1821 году на службу въ иностранную коллегію. Съ умомъ обширнымъ и проницательнымъ соединяя высокую образованность, онъ имѣлъ полное право на блестящія отличія во всякомъ родѣ службы, а слѣдовательно и дипломатической, но дѣятельность, неразлучная съ нѣкоторыми необходимыми формальностями, не согласовалась съ независимымъ образомъ мыслей и беззаботностію его характера: состоя при нашей миссіи въ Туринѣ, онъ слишкомъ увлекся своимъ къ нимъ нерасположеніемъ, оставилъ безъ надлежащаго разрѣшенія свой постъ, за что и былъ уволенъ отъ службы, и только уже въ 1845 году былъ вновь принятъ въ нее по министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ отправлялъ должность предсѣдателя комитета цензуры иностранной.

Значительную часть своей жизни, именно около 23 лѣтъ, Тютчевъ провелъ за границей и только по временамъ не на-

долго возвращался въ отечество. Столь долговременное пребываніе въ разныхъ странахъ Европы, близкія сношенія и знакомства съ значительными дѣятелями въ наукѣ, литературѣ, общественномъ и государственномъ быту обогатили его такимъ запасомъ свѣдѣній объ историческомъ движеніи ея народовъ, нравахъ ихъ, образованности, состояніи общества и современной политикѣ, что не много находилось людей, въ этомъ отношеніи равныхъ ему не только у насъ, но и вездѣ. Нельзя было не удивляться какъ богатству сохранявшихся въ его памяти фактовъ, такъ тонкости и вѣрности сужденій его о нихъ. Его мысли и взгляды тѣмъ болѣе возбуждали къ себѣ вниманіе и сочувствіе, что они возникали не изъ предвзятыхъ идей, образовались не вслѣдствіе какой-нибудь предварительной программы, но были плодомъ свободнаго глубокаго изученія и наблюденій.

Можно было бы, повидимому, опасаться, что по причинѣ долгаго отсутствія изъ отечества и связей съ народами намъ чуждыми и болѣе насъ образованными, Тютчевъ впадетъ въ космополитизмъ и сдѣлается, такъ сказать, не столь чуткимъ къ интересамъ и жизни своего народа. Но и тѣни ничего подобнаго не произошло въ его духѣ. Онъ служилъ живымъ свидѣтельствомъ того, что уваженіе, оказываемое нами наравнѣ со всѣми просвѣщенными умами общечеловѣческимъ великимъ истинамъ, говоритъ только въ пользу нашихъ способностей и нашего неотъемлемаго права участвовать въ общемъ ходѣ человѣческой исторіи, и что любовь къ отечеству отъ того только, такъ сказать, просвѣтляется, становится его достойнѣе, но никакъ не теряетъ своей священной власти надъ нами, потому что она въ одно и тоже время есть и голосъ природы, и голосъ чести, разума, и голосъ того же верховнаго закона нравственности, который съ достоинствомъ человѣка нераздѣльно соединяетъ достоинство гражданина.

Когда говорятъ о писателѣ, то обыкновенно вниманіе сосредоточивается почти исключительно на его литературныхъ трудахъ. О его общественномъ значеніи, о вліяніи, какое онъ

имѣлъ на свое общество, независимо отъ написаннаго имъ, мало говорятъ наши біографы. Довольно нѣсколькихъ печатныхъ страничекъ, чтобы попасть въ каталогъ, или словарь людей, о которыхъ должно узнать потомство. Между тѣмъ въ писателѣ и не писателѣ для изученія народной психологіи и даже для опредѣленія степени общественнаго образованія весьма важно изслѣдовать человѣка, если онъ что-нибудь значилъ для своего времени. Занимательность этого знанія увеличивается, когда личность человѣка отмѣчена особенными дарами природы и нравственнаго достоинства. Такова была личность Ѳ. И. Тютчева. Я позволяю себѣ повторить здѣсь сказанное мною въ другомъ мѣстѣ. Я не могъ бы и теперь ничего прибавить къ характеристикѣ его, которая, смѣю сказать, была плодомъ внимательнаго моего изученія качествъ, какими проявлялъ онъ себя въ обществѣ.

«Тютчевъ принадлежалъ къ числу людей, призванныхъ всѣми свойствами своей души олицетворять собою, поддерживать и возвышать интиллигенцію страны. Это достигается не одними извѣстными спеціальностями занятій: тутъ важны силы, дѣйствующія въ общемъ направленіи всесторонняго разумнаго преуспѣянія, къ какому только способенъ народный духъ. Умъ возвышенный, обширная и богатая образованность, сердце, горячо преданное отечеству, дѣлали Тютчева вполнѣ способнымъ къ подобной задачѣ. Ему дорогъ былъ каждый успѣхъ всечеловѣческаго ума, знанія, блага; но живѣйшею радостью его сердца было, когда онъ могъ привѣтствовать подобный успѣхъ въ своемъ народѣ. Онъ былъ, какъ говорится, человѣкъ современный; онъ сочувствовалъ всякой научной общественной истинѣ, содѣйствующей облегченію бѣдствій и лучшему устройству человѣческихъ отношеній; но проницательность его ума и зрѣлая опытность указывали ему и на искаженіе этихъ истинъ, на крайности ученій, прикрытыхъ ихъ именемъ, точно также, какъ и на ошибки людей, противящихся осуществленію всякой плодотворной новой идеи подъ предлогомъ опасностей, сопровождающихъ переходъ отъ застоя къ движенію, или единственно потому, что идея эта новая.

Не говоря о служебныхъ и литературныхъ трудахъ Тютчева, довольно привести на память личное значеніе, пріобрѣтенное имъ въ обществѣ, чтобъ видѣть, какую высокую степень занималъ онъ посреди него въ умственномъ отношеніи. Есть люди, которыхъ взгляды на вещи, мнѣнія, простая задушевная бесѣда въ кругу людей мыслящихъ составляютъ какъ бы пропаганду ума— пропаганду всего честнаго и великаго. Образованное общество достойно цѣнитъ это не систематическое, не преднамѣренное, невольное, инстинктивное, такъ сказать, проявленіе высшихъ способностей, вносящихъ въ среду его самымъ уже присутствіемъ своимъ ту силу, свѣтъ и вліяніе мысли, которое характеризуетъ истинную образованность. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Тютчевъ, онъ производилъ подобное дѣйствіе. Начиная съ нимъ бесѣду, вы всегда могли быть увѣрены, что услышите или сужденіе правильное и вѣрное о людяхъ и событіяхъ, интересующихъ общество, или тонкое замѣчаніе о какомъ-нибудь общемъ предметѣ, часто новое и оригинальное, или слово мѣтко обозначающее то, что̀ въ устахъ другаго вращалось смутно и темно. Рѣчь его отличалась своеобразнымъ изяществомъ: говоря съ нѣкоторою разстановкою и медленностію, онъ поражалъ васъ или неожиданнымъ блестящимъ оборотомъ, счастливою какою-то находчивостію, или остроумною, тонкою замѣткою на случаи, подлежащіе осмѣянію. Онъ обладалъ при этомъ тою рѣдкою, если можно такъ сказать, любезностію сердца, которая состоитъ не въ соблюденіи свѣтскихъ приличій, хотя ему они очень хорошо были извѣстны, но въ деликатномъ человѣчественномъ вниманіи къ личному достоинству каждаго, къ его праву участвовать въ общемъ обмѣнѣ мыслей, мнѣній и убѣжденій, къ его не злоупотребляемой свободѣ».

Натура, столь способная воодушевляться всѣмъ, что̀ въ природѣ и человѣчествѣ вызываетъ наше сочувствіе, столь богатая идеями, открытая для принятія всѣхъ возвышенныхъ идеаловъ— натура, какою былъ одаренъ Тютчевъ, не могла не проявляться въ живомъ ощутительномъ отраженіи, наиболѣе близкомъ къ подобному настроенію духа — въ словѣ. Онъ написалъ нѣсколько

лирическихъ стихотвореній, которыя были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и потомъ напечатаны вмѣстѣ въ 1868 году. Они принадлежатъ къ тѣмъ произведеніямъ литературы, которыхъ лучшая прелесть состоитъ въ ихъ искренности, въ отсутствіи всякаго подготовленія. Читая ихъ, вы готовы подумать, что они не написаны, не сочинены, вамъ можетъ показаться, что это импровизаціи кѣмъ-нибудь подслушанныя и записанныя. Но и импровизаціями въ собственномъ смыслѣ ихъ нельзя было бы назвать: ихъ слушаютъ другіе, а тѣ стихотворенія, о которыхъ мы говоримъ, были повидимому произнесены поэтомъ вслухъ, безъ всякаго желанія быть услышаннымъ, произнесены въ минуты одушевленія единственно потому, что все сердце его отъ полноты своихъ чувствованій было такъ-сказать на устахъ. Природа была для него, какъ для всѣхъ возвышенныхъ душъ, неизсякаемымъ источникомъ живѣйшихъ отрадныхъ ощущеній. Какъ бы ни были сбивчивы, темны, противорѣчащи наши представленія о жизни и судьбѣ всего сущаго, и какъ бы ни вынуждены мы холодно смотрѣть на механическіе и химическіе процесы явленій, но чувство къ красотамъ природы всегда будетъ свидѣтельствовать о благороднѣйшихъ наклонностяхъ человѣчества. Сколько таинственныхъ гармоническихъ соотношеній найдетъ мыслящій умъ во всѣхъ ея созданіяхъ! Тютчевъ понималъ эти соотношенія и умѣлъ переносить ихъ въ слово, полное прелести непосредственнаго впечатлѣнія. О немъ можно сказать тоже, чтò сказалъ одинъ изъ даровитыхъ нашихъ поэтовъ о Гёте:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

И мы можемъ повторить и другія слова поэта, относящіяся къ Гёте: Нашъ поэтъ если не на все, то на *многое* «отозвался сердцемъ своимъ, чтò проситъ у сердца отвѣта». Тютчевъ не былъ художникомъ въ духѣ спеціальнаго призванія, а между тѣмъ онъ былъ имъ въ точномъ и лучшемъ смыслѣ слова.

Критикъ, обязанный отличать особенно рѣзко выдающіяся стороны въ анализируемыхъ имъ произведеніяхъ, очень затрудненъ бываетъ, когда ему приходится имѣть дѣло съ произведеніями, подобными произведеніямъ Тютчева. Все равно какъ бы онъ разсматривалъ цвѣтокъ — какому лепестку, какой вѣткѣ онъ долженъ отдать преимущество? Развѣ можно разбирать по частямъ чудное созданіе природы, дитя лучшаго времени года? оно все прекрасно, оно все благоухаетъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать относительно каждаго произведенія Тютчева. И здѣсь уже является не мимолетная случайность: здѣсь въ гармоническомъ сочетаніи подробностей, группирующихся около одной живой идеи, видна организующая, устрояющая сила мысли, которая даетъ себѣ отчетъ, предусматриваетъ результатъ, — тутъ виденъ художникъ. Но вѣдь и въ природѣ посреди роскошно, своеобразно, свободно и своенравно раскидывающейся жизни, развѣ не виденъ тотъ же учредительный разумъ, безъ котораго вся совокупность вещей была бы однимъ хаосомъ? Произведенія истиннаго таланта и произведенія природы полны одного и того же зиждущаго разумнаго духа.

Языкъ Тютчева напоминаетъ лучшую пору языка нашей поэзіи; пору Жуковскаго и Пушкина: языкъ этотъ прекрасенъ, по его неукоризненной чистотѣ, по безъискуственной естественности, по мягкой живописности, чуждый всего жесткаго и шероховатаго, по легкости и граціи, съ какими обозначаются у него самыя тонкія оттѣнки мыслей. Если чей-нибудь языкъ можно назвать вѣрнымъ зеркаломъ души, для которой говорить значитъ чувствовать, то это качество, по справедливости, принадлежитъ его языку.

Я перехожу къ воспоминанію о послѣднемъ выбывшемъ изъ круга нашего членѣ-кореспондентѣ М. А. Максимовичѣ, скончавшемся 10-го ноября въ своемъ небольшомъ имѣніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣяте-

лямъ науки, которые съ богатствомъ свѣдѣній по извѣстной специальности соединяютъ блестящее литературное дарованіе и высокое эстетическое настроеніе мысли. Половина его научной дѣятельности была посвящена естествознанію, другая — отечественнымъ древностямъ и русской словесности, для которой онъ трудился какъ професоръ, какъ писатель и какъ соучастникъ разныхъ литературныхъ предпріятій. Вся жизнь его была однимъ непрерывнымъ трудомъ, задачею котораго были наука и искуство и содѣйствіе успѣхамъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Онъ родился въ 1804 году, 3-го сентября, въ Малороссіи. Первыя начатки ученія были сообщены ему въ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ въ Золотоношѣ, гдѣ у одной изъ монахинь выучился онъ грамотѣ по часослову и псалтырю, какъ обыкновенно тогда учились почти всѣ дѣти во всей Малороссіи. Въ 1812 г. онъ отданъ былъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію, откуда, по окончаніи семилѣтняго курса, поступилъ въ московскій университетъ сперва по словесному факультету, а потомъ перешелъ въ физико-математическое отдѣленіе. Врожденная склонность влекла его къ изученію природы; онъ особенно пристрастился къ ботаникѣ. Еще въ раннемъ возрастѣ онъ находилъ большое удовольствіе въ собираніи и въ разсматриваніи травъ и цвѣтовъ и не просто любовался ими, а старался узнавать ихъ характеристическія отличія, на сколько позволялъ ему тогдашній недостатокъ его научныхъ свѣдѣній. Въ университетѣ ботаника сдѣлалась для него главнымъ предметомъ изученія. Пылкій и любознательный умъ молодаго адепта науки не удовлетворился, однако, ближайшими научными средствами естествовѣдѣнія; онъ захотѣлъ изучить медицину и слушалъ лекціи по этому предмету въ университетѣ. По полученіи степени кандидата, Максимовичъ является уже дѣятелемъ науки въ качествѣ преподавателя. Поприще это началъ онъ въ 1825 году въ Земледѣльческой школѣ, основанной професоромъ Павловымъ, гдѣ преподавалъ хозяйственную ботанику, потомъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ — естественную исторію, и, наконецъ, выдержавъ магистерскій экза-

менъ, занялъ каѳедру ботаники въ университетѣ, не теряя, однако изъ виду и другихъ отраслей естествознанія, особенно зоологіи. Университетскія чтенія Максимовича возбуждали живѣйшее вниманіе въ слушателяхъ его какъ научнымъ содержаніемъ своимъ, такъ и изяществомъ изложенія и философскимъ духомъ, которымъ были проникнуты всѣ его изысканія о природѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ раздѣлялъ воззрѣнія тогдашняго знаменитаго професора естественныхъ наукъ въ Москвѣ, Павлова, которому частію и обязанъ былъ вообще своимъ философскимъ направленіемъ. Максимовичъ много написалъ и издалъ сочиненій по разнымъ отраслямъ естествознанія. Занимаясь въ этихъ сочиненіяхъ разработкою научныхъ вопросовъ, важныхъ для спеціалистовъ, онъ, по свойству своего вселюбящаго духа, желалъ, чтобъ истины науки проникали въ темныя массы народа, на сколько онѣ могутъ быть для него доступны и прилагаемы къ его быту, и чтобы просвѣщеніе такимъ образомъ дѣлалось болѣе и болѣе общимъ достояніемъ, настоящимъ народнымъ просвѣщеніемъ. Съ этою цѣлію онъ написалъ и издалъ сочиненіе подъ названіемъ: «Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ». Это былъ только первый выпускъ цѣлаго, по обширно-задуманному плану сочиненія, въ которомъ онъ намѣревался изложить свѣдѣнія, приспособленныя къ понятіямъ народа, вообще о природѣ, о произведеніяхъ въ трехъ ея царствахъ, о народахъ, населяющихъ земной шаръ, и особенно о русскомъ народѣ, объ историческихъ его судьбахъ и нынѣшнемъ состояніи,—и въ заключеніе онъ намѣренъ былъ представить въ краткихъ чертахъ понятіе о разныхъ искусствахъ и дѣлопроизводствахъ, полезныхъ въ хозяйствѣ. Книжка «Наума» составляетъ у насъ рѣдкое, едва-ли не единственное явленіе, гдѣ бы писатель строго-научныя истины предлагалъ для наставленія народа въ такой обще-доступной формѣ. Она тѣмъ замѣчательнѣе, что составляетъ вполнѣ самостоятельно созрѣвшій плодъ научнаго русскаго ума. И въ Европѣ въ тогдашнее время не было еще такого сильнаго стремленія, какъ впослѣдствіи, распространять повсюду научныя свѣдѣнія въ

популярномъ изложеніи. Книга Наума выдержала одиннадцать изданій, что̀ служитъ очевиднымъ доказательствомъ, какой всеобщій интересъ возбудило предпріятіе автора. Можно сожалѣть только объ одномъ, что многотрудныя занятія его въ другомъ родѣ воспрепятствовали ему выполнить все задуманное имъ по предначертанному первоначально плану. — Въ научныхъ своихъ сочиненіяхъ, въ лекціяхъ и простыхъ бесѣдахъ Максимовичъ обнаруживалъ столько литературно-художественнаго дара, что не могъ не привлечь къ себѣ сочувствія не только въ кругу ученыхъ, но и въ средѣ главныхъ тогдашнихъ представителей изящной словесности. Еще во время своего университетскаго ученія первое возбужденіе къ этой словесности онъ почерпнулъ въ краснорѣчивыхъ лекціяхъ Мерзлякова, о которомъ онъ вспоминалъ всегда съ живѣйшею любовію и благодарностію, называя его, какъ древняго Баяна, «соловіемъ стараго времени». Впослѣдствіи Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь вошли въ самыя близкія дружескія съ нимъ сношенія, особенно послѣ того, какъ онъ, еще въ эпоху занятій своихъ естественными науками, издалъ собраніе южно-русскихъ народныхъ пѣсенъ со своими объясненіями. Съ Гоголемъ соединила его тѣснѣйшая дружба, какъ соплеменникомъ его по рожденію въ одномъ и томъ же краю.

Послѣ одиннадцатилѣтней блестящей дѣятельности въ московскомъ университетѣ, Максимовичъ оставилъ его въ 1834 году и переселился въ Кіевъ, чтобы занять тамъ каѳедру русской словесности въ новосозидавшемся университетѣ. Побужденіемъ къ этой перемѣнѣ было слабое здоровье его, требовавшее непремѣнно пребыванія въ родномъ южномъ климатѣ; переходъ его съ каѳедры естествовѣдѣнія на каѳедру русской словесности объясняется его любовію къ ней, постояннымъ участіемъ въ ея движеніи и значительнымъ запасомъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ до сего какъ въ теоріи, такъ и въ исторіи ея. Въ этой новой научной сферѣ онъ успѣлъ пріобрѣсти ту же любовь и уваженіе, какими пользовался въ московскомъ университетѣ какъ со стороны

своихъ слушателей, такъ и сотоварищей. Съ званіемъ професора вскорѣ возложена на него была должность ректора. Университетъ еще не вполнѣ организовался, и Максимовичъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по его устройству; огромные труды, подъятые имъ въ этой дѣятельности, требовавшія и административной распорядительности и хозяйственныхъ соображеній въ соединеніи съ его профессорскою обязанностью, вскорѣ истощили его силы; здоровье его начало приходить въ упадокъ, и онъ принужденъ былъ просить увольненія отъ университета. Хотя же, послѣ нѣкотораго отдохновенія и укрѣпленія своихъ силъ, онъ опять, по настоянію начальства, принялъ каѳедру, но не надолго. Онъ почувствовалъ необходимость рѣшительнаго успокоенія отъ служебныхъ занятій и вышелъ въ отставку 1845 года.

Научная дѣятельность Максимовича, посвященная въ Москвѣ почти исключительно естественнымъ наукамъ, въ Кіевѣ также исключительно обращена была на отечественную филологію, словесность, исторію ея и вообще на исторію Россіи, особенно южнаго края. По этимъ предметамъ онъ написалъ множество сочиненій. Мы не можемъ въ этомъ краткомъ очеркѣ ни исчислить, ни опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Замѣтимъ только, что они содѣйствовали много къ разъясненію нѣкоторыхъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ нашей исторіи и древней словесности. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе на себя обращаетъ его изслѣдованіе о знаменитомъ произведеніи XII вѣка, и доселѣ еще вполнѣ не объясненномъ: «Слово о полку Игоря». Нѣкоторыя изъ его филологическихъ и историческихъ замѣчаній и соображеній по поводу этого драгоцѣннаго памятника составляютъ необходимое пособіе при его изученіи. Весьма важны также его «начатки русской филологіи», которыхъ къ сожалѣнію издана имъ только первая часть, равно какъ и первая часть его «Исторіи древней русской словесности». Приведеніе въ извѣстность и разработка историческихъ памятниковъ южной Руси составляли одинъ изъ любимыхъ предметовъ его занятій, и плодомъ ихъ было основаніе сборника этихъ матеріаловъ подъ названіемъ: *Кіевлянинъ*. Такимъ

образомъ, посвятивъ вторую половину своей научной дѣятельности русской словесности, онъ блистательно оправдалъ свое право на это новое назначеніе.

О нравственномъ характерѣ Максимовича существуютъ самыя свѣтлыя воспоминанія. По свидѣтельству лично и коротко его знавшихъ, въ немъ было сочетаніе многосторонней основательной учености и дарованія съ рѣдкимъ добродушіемъ, безкорыстіемъ и скромностью. Общество обязано ему благодарностью не только за услуги, оказанныя его умственнымъ пользамъ, но и прекраснымъ примѣромъ благородныхъ чувствованій и всей неукоризненной его жизни.

Дѣятельность II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ въ настоящемъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, была обращена на разработку и историческія изслѣдованія предметовъ по части отечественнаго языка и словесности Члены Отдѣленія заявили свое участіе въ занятіяхъ его слѣдующими трудами.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій, продолжая свои изслѣдованія о древностяхъ славянскаго и русскаго письма и языка, печаталъ замѣтки свои и свѣдѣнія о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ древней нашей словесности въ Запискахъ Академіи; во второй и третьей тетрадяхъ этихъ замѣтокъ и свѣдѣній онъ помѣстилъ 16 записокъ о разныхъ предметахъ, сюда относящихся. Здѣсь, между прочимъ, находятся его разборы древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности XI—XII вѣка, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ изданы вполнѣ или частями. Подобный же трудъ, уже почти отпечатанный, исполненъ имъ по вопросу о древнихъ переводахъ произведеній св. Ипполита. Трудъ этотъ начатъ по поводу предпринятаго имъ разсмотрѣнія чудовской рукописи XII—XIII вѣка, которое потомъ академикъ соединилъ съ порученнымъ ему Академіей разборомъ книги покойнаго Невоструева объ «Антихристѣ», представленной на соисканіе уваровской преміи. Къ этому г. Срезневскій присоединилъ указанія на другія древнія сказанія объ Антихристѣ.

Ему принадлежатъ еще разборы двухъ сочиненій, представленныхъ также на помянутую премію — одного объ Антиминсахъ въ русской церкви священника отца Никольскаго, и другаго — изданнаго съ примѣчаніями П. И. Савваитовымъ путешествія архіепископа Антонія въ Царьградъ. Книга Никольскаго, заключающая въ себѣ много любопытнаго по этому вопросу, тѣмъ болѣе обращала на себя вниманіе академика, что онъ самъ занимался изслѣдованіемъ объ Антиминсахъ, и издалъ съ изъясненіями древнѣйшій изъ нихъ, принадлежащій къ XII вѣку. Но книга Савваитова обратила на себя болѣе всего вниманіе академика. Путешествіе въ Царьградъ нашего русскаго, въ такую раннюю эпоху нашей исторіи, во всякомъ случаѣ весьма любопытно, хотя бы задача его опредѣлялась только спеціальнымъ положеніемъ лица и его дѣятельности. По свидѣтельству г. Срезневскаго, сочиненіе архіепископа Антонія важно не только въ отношеніи къ нашей древней словесности, но оно важно и вообще, какъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ источниковъ для изученія Константинополя среднихъ вѣковъ, и какъ одно изъ очень немногихъ подробныхъ описаній этого города, оставшееся отъ XII и XIII в. Свидѣтельство академика основано на строгомъ и обширномъ изученіи всего, что извѣстно въ европейской литературѣ по этому предмету. Онъ, между прочимъ, сличилъ изданный Савваитовымъ документъ съ тѣмъ, который извлеченъ имъ самимъ изъ сборника, хранящагося въ Копенгагенѣ. Въ спискѣ послѣдняго находятся нѣкоторыя подробности, которыхъ не находится въ изданномъ г. Савваитовымъ. Разысканія нашего академика сгруппированы имъ по возможности въ одно цѣлое и пояснены рисунками, на основаніи данныхъ, какія извлекъ онъ изъ сказанія Антонія въ обѣихъ редакціяхъ и другихъ источникахъ, и сообщаютъ, между прочимъ, много новаго о древнемъ устройствѣ храма св. Софіи, какъ-то: о великомъ главномъ алтарѣ и сѣни съ завѣсами надъ престоломъ, о разныхъ отдѣленіяхъ, окружавшихъ его съ трехъ сторонъ, о притворѣ крестильницы, т. е. о кладезѣ, о палатахъ, или второмъ ярусѣ храма, гдѣ, между прочимъ, было

мѣсто для бани и храненія овощей и воды для патріарха и царя, о разныхъ изображеніяхъ, и между прочимъ, изображеніяхъ русскихъ святыхъ и проч. Изслѣдуя историческій ходъ отечественнаго языка и разсматривая его въ его постепенномъ видоизмѣненіи, академикъ Срезневскій изложилъ въ особой статьѣ, напечатанной въ Запискахъ Академіи, свои замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій, установившихся въ языкѣ въ теченіе времени и употреблявшихся во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась особенная оживленность рѣчи, или особенный складъ мыслей говорящаго или пишущаго. Такія выраженія, если они не подверглись искаженію отъ произвольнаго, или неискуснаго употребленія, составляютъ сами по себѣ важное пріобрѣтеніе въ художественной самобытной рѣчи народа. Но могучая образовательная сила языка постоянно хотя и постепенно превращаетъ эти выраженія въ отдѣльныя слова, что̀, кромѣ увеличенія лексикологическаго его богатства, даетъ возможность умному и даровитому писателю созданному имъ самимъ выраженію придавать, вмѣстѣ съ колоритомъ народности, выразительность, силу и живость, недостижимыя никакимъ искусственнымъ подборомъ словъ. Академикъ указалъ такія превращенія выраженій въ слова отъ разныхъ частей рѣчи. Замѣчанія его по этому предмету должны послужить важнымъ пособіемъ въ разработкѣ языка съ той стороны, съ которой она еще мало была усматриваема; именно со стороны той зиждительной силы, какую непрерывно онъ обнаруживаетъ въ способности удовлетворять самымъ многоразличнымъ жизненнымъ потребностямъ мысли и чувства. Послѣднимъ трудомъ академика Срезневскаго въ истекшемъ году было изданіе переписки нашего незабвеннаго филолога Востокова съ разными лицами. Имя Востокова принадлежитъ къ именамъ тѣхъ первоклассныхъ ученыхъ, которымъ досталась завидная доля привлекать къ себѣ всеобщее уваженіе. Всѣ, кому дороги интересы науки, въ своихъ воспоминаніяхъ о Востоковѣ ищутъ съ любовію слѣдовъ его научной дѣятельности и жизни — и эти слѣды имѣютъ высокую цѣну, нетолько свидѣтельствуя о благородной, просвѣщенной

ревности его къ распространенію въ отечествѣ знаній, чему онъ посвятилъ всѣ дни свои, но и представляя много поучительныхъ данныхъ для самой науки. Его замѣчанія, его даже не систематически - изложенныя мнѣнія, предположенія, разбросанныя въ его письмахъ, всѣ они отличаются характеромъ глубокой учености, мѣткостію и вѣрностію взглядовъ и заключеній. Изданная нынѣ переписка Востокова представляетъ и другую занимательность. Онъ переписывался преимущественно съ митрополитомъ Евгеніемъ, съ Ермолаевымъ, Калайдовичемъ, графомъ Румянцовымъ и нѣкоторыми другими. Всѣ эти лица составляли какъ бы не отмѣченный никакою формальностью союзъ благородныхъ, просвѣщенныхъ мужей, стремящихся къ этой цѣли — къ разработкѣ отечественной исторіи и древностей! Каждый обращался къ Востокову за совѣтомъ и указаніемъ, или за подтвержденіемъ и разъясненіемъ своихъ взглядовъ и соображеній; онъ былъ центромъ этого кружка трудолюбивыхъ дѣятелей науки, нуждамъ которыхъ наша исторія и филологія столь многимъ обязаны. Поэтому можно судить, какое полезное пріобрѣтеніе для нашей исторической литературы составляетъ нынѣ изданная переписка Востокова. Академикъ присоединилъ къ ней, кромѣ указателя, объяснительныя и дополнительныя къ тексту примѣчанія, увеличивающія научную цѣнность книги.

Я. К. Гротъ въ началѣ истекающаго года окончилъ печатаніе своихъ *Филологическихъ разысканій;* въ составъ ихъ, кромѣ прежнихъ его статей, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, вошелъ новый трудъ его *Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ.* Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ двѣ стороны — историческую и теоритическую. Въ первой авторъ разсмотрѣлъ какъ постепенное образованіе нашей гражданской азбуки со всѣми попытками неудавшихся нововведеній, такъ и развитіе употребляемаго нынѣ правописанія съ происходившими въ немъ отъ времени до времени измѣненіями. Во второй части предложенъ обстоятельный анализъ существеннѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ затруднительнымъ случаямъ нашего

правописанія. Академикъ, избѣгая въ нихъ рѣшительныхъ нововведеній, старался, главнымъ образомъ, разъяснить научныя основанія предмета и дать каждому руководящую нить для сознательнаго выбора правильной и послѣдовательной орѳографіи. Лучшимъ свидѣтельствомъ, что изданіе «Филологическихъ разысканій» было своевременно и отвѣчало дѣйствительной потребности служитъ то, что эта книга, также какъ и отдѣльные оттиски трактата о правописаніи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разошлись въ публикѣ, и теперь уже является надобность въ новомъ изданіи. Въ то же время академикъ Гротъ занимался печатаніемъ *Сочиненій и писемъ Хемницера*, по подлиннымъ рукописямъ, доставленнымъ гг. Капнистомъ и Надхинымъ. Въ собраніи этихъ рукописей были новые матеріалы для біографіи знаменитаго баснописца, которые издателю дали возможность пополнить существовавшій доселѣ весьма скудный запасъ свѣдѣній о Хемницерѣ новыми любопытными данными. Возстановивъ первоначальный текстъ басенъ его, искаженный первыми ихъ издателями, г. Гротъ присоединилъ къ нимъ многія доселѣ неизвѣстныя произведенія Хемницера и обогатилъ свое изданіе собраніемъ его писемъ нигдѣ еще не напечатанныхъ, знакомящихъ съ благородною и привлекательною личностію автора. Можно сказать, что теперь наша литература обладаетъ изданіемъ сочиненій Хемницера вполнѣ достойнымъ этого даровитаго писателя вѣка Екатерины II. Его басни имѣютъ не одно историческое значеніе въ нашей литературѣ, какъ памятникъ извѣстной ея эпохи: онѣ отличаются тѣмъ художественнымъ значеніемъ, которое остается навсегда за произведеніями, не смотря на разныя измѣненія современныхъ вкусовъ и мнѣній. Съ рѣдкимъ поэтическимъ дарованіемъ Хемницеръ соединялъ живое стремленіе къ народности и первый изъ нашихъ писателей прошедшаго времени съ замѣчательнымъ успѣхомъ пользовался формами и оборотами простой русской народной рѣчи. Его, по справедливости, можно назвать предтечею нашего безсмертнаго Крылова. Хемницеръ, какъ извѣстно, первоначально состоялъ на службѣ въ основанномъ Екатериною II

Горномъ корпусѣ, который 21 октября праздновалъ столѣтіе своего существованія. Г. Гротъ принялъ мѣры для отпечатанія сочиненій Хемницера къ этому дню, вслѣдствіе чего и былъ отъ имени Академіи экземпляръ ихъ поднесенъ Горному институту въ день его торжества.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ академикъ Гротъ, по порученію Отдѣленія, посѣтилъ Швеціи и Норвегію для точнаго ознакомленія съ современною скандинавскою литературою и филологіей; собранныя имъ свѣдѣнія были читаны въ засѣданіяхъ Отдѣленія и въ свое время будутъ напечатаны.

Извѣстно, что покойный академикъ Пекарскій, въ послѣдніе годы своей жизни, по порученію Русскаго Историческаго общества, занимался изданіемъ бумагъ Императрицы Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, и уже напечаталъ два тома этого изданія. По смерти его, Августѣйшему предсѣдателю общества Государю Цесаревицу Великому Князю Александру Александровичу благоугодно было выразить желаніе, чтобы изданіе Екатерининскихъ бумагъ было продолжаемо академикомъ Гротомъ, который, съ разрѣшенія г. Государственнаго канцлера, и приступилъ вслѣдъ затѣмъ къ занятіямъ въ Государственномъ архивѣ. Нынѣ, пополнивъ приготовленное покойнымъ Пекарскимъ собраніе документовъ третьяго тома, онъ посвящаетъ большую часть своего времени печатанію этой книги. Онъ же, г. Гротъ, по кончинѣ Пекарскаго, принялъ на себя окончаніе печатанія втораго тома исторіи Академіи Наукъ, приготовленнаго къ изданію покойнымъ авторомъ этого труда. Нынѣ этотъ томъ, которымъ, къ сожалѣнію, прекращается обширное предпріятіе, столь добросовѣстно начатое и веденное Пекарскимъ, уже находится въ рукахъ публики.

По поводу послѣдовавшаго въ исходѣ ноября мѣсяца открытія памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, академикъ Гротъ произнесъ въ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго общества рѣчь, въ которой онъ изобразилъ литературную дѣятельность Великой Государыни и особенно ея литературную переписку.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ въ продолженіе нынѣшняго года напечаталъ, по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго общества, томъ бумагъ Петра Великаго, въ который вошли документы, доставленные частными лицами, и весьма много неизданныхъ и извлеченныхъ академикомъ изъ архива Правительствующаго Сената указовъ, писемъ и замѣтокъ Государя. Все это составляетъ только незначительную часть документовъ, хранящихся у частныхъ лицъ и въ правительственныхъ архивахъ— документовъ, доказывающихъ въ какихъ невѣроятныхъ и безпрерывныхъ трудахъ о благѣ Россіи находился этотъ величайшій изъ Монарховъ! какихъ разнообразныхъ предметовъ государственнаго управленія касался его всеобъемлющій геній, вездѣ оставляя по себѣ слѣды глубокаго пониманія всякаго дѣла, какъ бы оно, повидимому, мало ни согласовалось съ другими великими его царственными заботами!

Ко дню открытія памятника Императрицы Екатерины II академикъ Бычковъ также издалъ съ своими примѣчаніями хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ письма и бумаги этой великой преемницы и исполнительницы предначертаній безсмертнаго преобразователя Россіи. Многія изъ этихъ бумагъ явились въ первый разъ въ печати; онѣ присоединяютъ нѣкоторыя новыя черты къ изображенію Государыни, которая, подобно своему образцу, Петру Великому, вникала съ любовію и мудростію во всѣ отрасли государственнаго управленія, отзывалась на всѣ нужды народа.

Сверхъ этихъ изданій г. Бычковъ продолжалъ трудиться надъ составленіемъ указателя къ полному собранію русскихъ лѣтописей, этого необходимаго пособія для надлежащаго пользованія ими. Новый выпускъ этого указателя вскорѣ появится въ свѣтъ. Въ упомянутомъ выше собраніи Историческаго общества академикъ А. Ѳ. Бычковъ также произнесъ рѣчь о заслугахъ Екатерины II по русской исторіи.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ посвящалъ часть своихъ изысканій нашей старинной словесности. Въ этихъ изысканіяхъ

особенно важно опредѣленіе источниковъ ея памятниковъ и вліяній, подъ которыми они слагались. Тутъ вниманію изыскателя, между прочимъ, представляются данныя для изученія цѣлаго круга легендарной литературы. Академикъ Сухомлиновъ занялся разборомъ одного изъ самыхъ популярныхъ произведеній подобнаго рода *о судѣ Шемяки* и указалъ на особенную, доселѣ у насъ незамѣченную черту въ немъ — на семитическое вліяніе, которое играло такую важную роль вообще въ древней нашей литературѣ. Къ этому выводу академикъ пришелъ послѣ тщательнаго и подробнаго сличенія повѣсти о судѣ Шемяки съ подобными иностранными сказаніями. Указавъ на аналогическія данныя, представляемыя памятниками европейскихъ и восточныхъ литературъ, академикъ особенно останавливается на вопросѣ о характерѣ суда и о замѣнѣ такихъ идеаловъ справедливости, какъ Соломонъ и Карлъ Великій, злымъ Шемякою. Онъ усматриваетъ постепенное наслоеніе на русскую повѣсть разныхъ вліяній и особенное вліяніе семитической апокрифической литературы, которое и сообщило характеру судьи тѣ свойства, какія ему даны въ нашей повѣсти.— По порученію Отдѣленія г. Сухомлиновъ разсматривалъ также автобіографію Шлецера въ переводѣ г. Кеневича. По замѣчаніямъ академика, автобіографія эта заключаетъ въ себѣ много въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній о современномъ Шлецеру состояніи умственной и общественной жизни Россіи. Особенную цѣну переводу Кеневича въ заключеніи его придаютъ обширныя и разнообразныя приложенія, письма и офиціальныя бумаги, рисующія тогдашніе нравы и отношенія общественныя. Кромѣ того, къ переводу приложена извѣстная русская грамматика Шлецера. Вмѣстѣ съ симъ академикъ Сухомлиновъ предпринялъ, по предложенному имъ и одобренному Отдѣленіемъ плану, обширный трудъ, историческія изслѣдованія о бывшей русской Академіи. Академія эта была, какъ извѣстно, основана Екатериною II въ 1783 году и существовала до 1841 года, когда она была присоединена къ Академіи Наукъ съ наименованіемъ ея II Отдѣленіемъ или Отдѣленіемъ Русскаго языка и

словесности. Исторія ея доселѣ не написана. Между тѣмъ существованіе ея имѣло весьма близкое отношеніе къ ходу и судьбамъ нашей литературы, которой она успѣла оказать значительныя услуги, особенно въ прошедшее столѣтіе. Академикъ рѣшился написать ея исторію, что̀, безъ сомнѣнія, составитъ важный и любопытный эпизодъ вообще въ исторіи нашего образованія и словесности. Въ настоящее время его особенно занимаютъ біографіи замѣчательнѣйшихъ членовъ бывшей Академіи; имъ уже обработаны біографіи митрополита Гавріила и княгини Дашковой, которая занимала постъ президента обѣихъ Академій при Императрицѣ Екатеринѣ, Академіи Наукъ и Академіи Русскаго языка и словесности; послѣдней она была и основательницею.

Изъ отсутствующихъ членовъ II Отдѣленія, высокопреосвященный архіепископъ литовскій и виленскій Макарій написалъ сочиненіе: «Московскій митрополитъ Макарій, какъ литературный дѣятель». Сочиненіе это напечатано въ журналѣ, издающемся при здѣшней духовной Академіи.

Ординарный академикъ М. П. Погодинъ напечаталъ въ нынѣшнемъ году свою трагедію: «Петръ Великій», написанную въ 1831 г., и двѣ статьи: одну о славянофилахъ въ журналѣ «Гражданинъ» и другую о покойномъ нашемъ членѣ-кореспондентѣ Тютчевѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Сверхъ того, академикъ печатаетъ IV томъ новаго собранія своихъ сочиненій, заключающій его письма, писанныя въ продолженіе крымской войны, и приготовляетъ къ печати сочиненіе: *Походъ на супротивную силу*, заключающій въ себѣ, по словамъ автора, разборъ новыхъ историческихъ ересей.